

И Г О Р Ъ, (1)

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

Любовь къ опечеснву зовепъ, о Россы насъ!
Воспѣшь брань Игоря на древній предковъ гласъ,
Какимъ ихъ подвиги вѣщались знаменипы:
Да будущъ быпня и нашихъ лѣтъ отккрыпы.
Но не дерзнемъ випійспвѣ Бояновыхъ искапъ (2).
Когда Боянъ кого спремился воспѣвать,
Онъ мыслью по древамъ въ воспоргѣ разпекался,
То сизымъ онъ орломъ подъ облаки взвивался,
То сѣрымъ волкомъ онъ носился по полямъ.
Изъ древнихъ повѣстей о помъ извѣстпо намъ,
Чпо къ почеспи Князей, копорыхъ прославляли,
Имъ десяпъ соколовъ на лебедей пускали:
Чей прежде долепалъ къ предмету своему,
То воспѣвалася и прежде пѣснь пому,
Иль бодрому въ свой вѣкъ преклонный Ярославу (3),
Иль сановипому и храброму Мспиславу (4),
Копорой на бою Редедя поразилъ,
Предъ ополченіемъ Косожскихъ спрашпныхъ силъ;
Иль благозрачному Роману Свяпославлю (5).
Боянъ же, коего я даръ въ випійспвѣ славлю,
Не десяпъ соколовъ на лебедей пускалъ,
Но спруны хипрыми перспами оживлялъ;
Тогда онъ Князей гремѣли сами славу.

Теченія вешей послѣдуя уставу,
 Съ Владиміровыхъ пѣснь сію проспремъ время (6),
 До Игоревыхъ лѣпъ, исполненныхъ премѣнь.
 Речемъ, какъ разумомъ великимъ Игорь важный,
 Носящій ратный духъ въ груди на все опважный,
 За землю Рускую полки свои навелъ
 На непріязненный Половецкій предѣлъ.
 Тогда, внезапно зря онъ солнце помраченно,
 Все воинство во мглу и въ ужасъ погруженно,
 Спокойнымъ гласомъ шакъ къ своей дружинѣ рекъ (7):
 „Друзья! не унывайъ, разишъ я съ вами шекъ.
 „Въ кровавой сѣчи пашъ славнѣе подъ мечами,
 „Чѣмъ вдавшись въ плѣнь спенать подъ тяжкими цѣпями.
 „Возсядемъ на своихъ мы борзыхъ днесъ коней,
 „Да синій Донъ узримъ въ пупи своемъ скорѣй.“
 Природы грозный видъ его не возмущаетъ,
 И Игорь къ воинству рѣчь тако продолжаетъ:
 „Не вѣдомъ съ вами мнѣ, о храбры Россы, спрахъ!
 „Хочу копье мое въ Половецкихъ поляхъ,
 „По край ихъ преломишъ предъ вѣрными полками;
 „Хочу главу мою я съ вашими главами
 „На сихъ поляхъ для насъ враждебныхъ положишъ,
 „Иль шлемомъ, по шрудахъ, изъ Дона воду пишъ.“

О сладостный Боянъ, гремѣвшій въ древни лѣшны!
 Почто не опъ тебя полки сіи воспѣшы?
 Лешая мыслями сквозъ дебри и лѣса,
 Умомъ превыспреннимъ паря подъ небеса,

Вознесъ бы славу сихъ временъ пы въ ратномъ спанѣ,
 Какъ прежде оную вознесъ пы при Троянѣ (8),
 Когда послѣдуя вездѣ его спопамъ,
 На горы воспекаль, спремился по степямъ.
 Тебѣ бы, о Боянъ, Велесовъ внукъ приспойно (9),
 Тебѣ бы возгремѣть пѣснь Игорю достойно!

Уже Россійска рать печетъ опъ всѣхъ споронъ,
 Сбираясь изъ жилищъ въ походъ на гордый Донъ.
 Не бурей чрезъ поля широки, опдаленны,
 Не многи соколы по были занесенны,
 Но войска дружныхъ ппищъ подобились спадамъ,
 Готовымъ успремищъ полетъ къ Донскимъ брегамъ.
 Ржущъ кони за Сулой, звукъ славы Кіевъ немлещъ
 Гласъ трубный Новгородъ съ веселіемъ приемлещъ;
 Споящъ просперпые въ Пупивлѣ знамена,
 Гдѣ брашъевъ обща брань соединищъ должна,
 Какъ слава, дружескиво, связующъ и природа:
 Тамъ Игорь съ войскомъ ждещъ Буйпура-Всеволода (10).
 И се онъ шесствуетъ величественно къ нимъ;
 Вселяетъ радостъ, духъ, прибыіемъ своимъ,
 И тако Игорю привѣстивуя, вѣщаетъ:
 „Едино солнце мнѣ свѣтъ ясный изливаетъ:
 „Единъ пы Игорь такъ и брапъ мой у меня!
 „Чпо радостнѣе мнѣ сего къ свиданью дня!
 „Мы Свяпославовы сыны съ шобою оба
 „Ужасналь намъ война, спрашналь враговъ намъ злоба?
 „Вели сѣдлащъ коней своихъ, любезный брапъ!
 „Мои осѣдланы у Курска ужъ споящъ.

„Курыне храбрые мои спрѣляютъ мѣшко;
 „Я съ ними побѣждалъ опасности не рѣдко;
 „Не поколеблѣтъ ихъ кровопролитной бой.
 „Они и повишы подъ рапною прубой,
 „Подъ шлемами они взлелѣяны изъ дѣшества,
 „Воскормлены концемъ копья на бранны бѣдства.
 „Имъ горы, доли всѣ извѣсны и нуши,
 „Сквозь дебри, сквозъ лѣса легко для нихъ пройши;
 „Всегда гошковые ихъ луки напряженны,
 „Опверсны шулы ихъ, мечи ихъ изоспренны;
 „Какъ звѣриносящися они въ поляхъ чужихъ,
 „Снискаши честь себѣ, и славу Князю ихъ.“
 Изрекши, Всеволодъ, умолкъ, и взоръ геройскій
 Въ воспоргъ обращалъ на брата и на войски.

Тогда вступаешъ въ свой златъ спремень Игорь Князь,
 Съ нимъ войски двинулись, къ Половцамъ устремясь.
 Но тамо ужасы тѣмочисленны вспрѣчаютъ:
 Природа восплаешъ, спихи угрожаютъ:
 Внезапу по землѣ густой вѣсся мракъ,
 Остановляешъ путь, скрывая солнца зракъ;
 Огнь громовъ швердосъ горъ прясется подъ ногами,
 А буря грозная шумитъ надъ ихъ главами;
 Лешатъ зловѣщія со тѣмою ппицы вдругъ,
 И звѣри хищные спадами воюшъ вокругъ.
 Съ вершины древа Дивъ бѣды имъ прорица (11),
 На помощь прошивъ нихъ народы призывая,
 Велишъ, да гласъ его окрестны земли внявъ,
 Покорствуюшъ ему, на Игоря воспавъ:

Сула, Сурожъ, Корсунъ, и ты въ Тьмутароканѣ
 Всечпимо божество въ ничтожномъ испуканѣ,
 Поморіе и рѣки великихъ Волга мать.
 Половцыжъ въ ближній пушъ спремяшся Донъ спасать.
 Скрыпаяшъ подъ тягоспъми въ ночи ихъ колесницы,
 Какъ въ осень лебедей лепящихъ вереницы.
 Всѣхъ спраховъ посредѣ, всѣхъ Игорь сихъ препонъ,
 Безпрепешно ведешъ полки на гордый Донъ.
 Уже корысть свою провидя хищны враны,
 Готовы шруповъ ихъ перзапъ кровавы раны;
 Уже волковъ на нихъ разверста гладныхъ паспъ;
 Орлы на коспи ихъ зовупъ звѣрей напаспъ ⁽¹²⁾;
 Лисицы на щипы червленныя ихъ лаюпъ:
 Но войски съ Игоремъ всѣ бѣдспва презираюпъ.
 Прешла Шеломанъ ты, о Руская земля ⁽¹³⁾!
 Далече. Чуждая ты попчешъ шамъ поля.
 Ночь меркнешъ, свѣпъ зари багряной попухаетъ,
 Густая мгла съ росой долины покрываетъ,
 Наспала тишина, покой природѣ всей;
 Уснулъ лѣсовъ пѣвецъ весенній соловей,
 Умолкнувъ не помилъ и говоръ галокъ слуха;
 Лишь Россы браннаго исполненныя духа,
 Проспершись по полямъ въ безмолвіи грядупъ,
 Какъ спѣну швердую щипы свои несупъ;
 Въ душахъ ихъ мужество, въ умахъ ихъ честъ и слава;
 Война ихъ спраспъ, шруды и подвиги забава.

Въ единъ день съ ушреннымъ блиспаніемъ сквозь мглу.
 Срѣпаются они съ Половцами въ долу:

Едва узрѣлися, сердца ихъ закипѣли,
 Мечи и копья ихъ другъ въ друга зазвенѣли;
 И многихъ рапниковъ до солнечныхъ лучей,
 Заспигла вѣчна ночь, померкъ ихъ свѣтъ очей.
 Уже прошивные полки преодолены,
 Разбиты, свергнуты, и въ бѣгство обращены.
 А Россы храбрые разсѣясь по полямъ,
 Лешая съ быспропой, подобной ихъ спрѣламъ,
 Мчатъ красныхъ дѣвъ опшоль Половецкихъ плѣненныхъ,
 Тьму злата, ушварей, и шканей драгоцѣнныхъ.
 Но всѣхъ корыстей ихъ, ушѣхъ, сокровищъ сихъ,
 Побѣда съ славою любезнѣе для нихъ:
 Гдѣ блапо имъ иль шопъ препоны полагають,
 Тамъ грусами они добычу повергають,
 Изъ шканей, бархаповъ, одеждъ моспы пиворя.
 Такъ бранный духъ въ груди и славу водворя,
 Женамъ приличныя опмещушъ украшенья.
 Не злато нужно имъ: желѣзо на сраженья!
 Поправъ враговъ, дѣляшъ добычу возвращаясь.
 Приемлетъ въ оной часъ и ихъ опважный Князь:
 Червленна чолка, спягъ багрянъ съ хоругвью бѣлой,
 И древко серебряно, какъ даръ опъ рапи цѣлой (¹⁴),
 Вручены Игорю за подвиги его.
 То Князю нашему пріятнѣе всего,
 То злата для него и паволокъ дороже,
 Дружина такъ речешъ, и воины всѣ шже.

Съ шоликой славою врага преодолевъ,
 Успѣхомъ возносясь, далеко залешевъ,

Опважно Ольгово гнѣздо въ поляхъ дремало,
 И въ безопасности покоясь опдыхало.
 Оно покорсповоать, робѣть, не рождено;
 Обидѣть никому себя не дастъ оно;
 Ни кречетъ, ни соколъ, ни пы вранъ хищный черный,
 Не спрашенъ для него Половчанинъ невѣрный!

Межъ тѣмъ Половецки Князя и многа рапъ,
 Спѣшапъ къ Донскимъ брегамъ, прошиву Россю спашъ.
 Таакъ пылкй впереди, за нимъ съ другой силъ часпью,
 Кончакъ, какъ люпый звѣрь бѣжипъ съ разверспой паспью
 (15).

И се ужасный день, день крови наспаетъ:
 Глубокоупреннй раждающйся свѣтъ
 Предвозвѣщается кровавыми зарями;
 Вихрь пучи черныя опъ моря жметъ горами,
 Чепыре солнца вдругъ Россйскія запмишъ,
 И землю мрачною завѣсою покрышъ;
 Въ нихъ сини молнй препенупъ и вѣются;
 Ужъ скоро грянетъ громъ и спрѣлъ дожди польются;
 Опъ Дона гордаго пѣ пучи спрѣлъ идупъ.
 Трупишъся шупъ мечамъ, ломашъся копьямъ шупъ,
 Въ щипахъ Половецкихъ, о шлемы ихъ, забрамы,
 У Дона, на берегахъ угрюмыя Каялы!
 О войско Руское! пы здѣсь въ иной судьбѣ!
 Не за Шеломянемъ карашъ враговъ шебѣ.
 Се вѣпры буйные, Сприбога внуки сами (16),
 Опъ моря вѣупъ вдругъ на Игоря спрѣлами.

Краснѣетъ кровію воинскою земля,
 Мушятся рѣки; шмипъ стущенный паръ поля,
 Подъемаясь облакомъ изъ пруповъ убіенныхъ.
 Половцы дерзостно идушъ въ толпахъ спѣсненныхъ,
 Идушъ опъ всѣхъ сторонъ, опъ моря, съ Дона вдругъ,
 Свирѣпсвуюшъ, разяшъ, и обшупаюшъ вокругъ.
 Уже Россіане вспяшъ клоняшся опъ бою,
 Но паки въ бой шекуютъ, узрѣвъ Князей съ собою.
 Половцы обуявъ спремаяшся съ воплемъ къ нимъ:
 Россіане щипы прошивуспаваяшъ имъ.
 Яршуръ - Всеволодъ! шы имъ щипъ щиповъ всѣхъ болѣ:
 Недвижимъ впереди стоишъ на рапномъ полѣ,
 Какъ спража крѣпкая мяшущихся полковъ,
 Спрѣлами оспрыми шы прыщешъ на враговъ,
 Гремешъ по шлемамъ ихъ мечемъ своимъ булапнымъ.
 Гдѣ скачешъ шы злашымъ сверкая шлемомъ рапнымъ,
 Лежашъ невѣрныя главы Половцевъ шамъ!
 Оварски шлемы ихъ сѣчешъ шы пополамъ!
 И чшо, предъ воинспвомъ Россійскаго народа,
 Удобно успрашишъ Яршура - Всеволода?
 Какою силою оспановилися шопъ,
 На раны, бѣдспва, смертъ, какія не поидешъ,
 Кшо ради сладоспной Героямъ бранной славы,
 Оспавя спольный градъ Черниговъ, всѣ забавы,
 Пресполь опеческій, роскошну жизнь, покой,
 Супругу нѣжнуу, пошелъ въ кровавый бой (17)!

Войны во времена и прежнія бывали,
 Напасти и бѣды Россію угнѣтали,

Не споль опъ чуждыхъ силъ, нашествій и сѣпей,
 Колико опъ своихъ раздоровъ межъ Князей.
 При Ольгѣ сѣялись войны междоусобны (18),
 Обманы, умыслы, неисповспва всезлобны;
 Тамъ сокращалась жизнь людская въ лучшихъ дняхъ,
 И гибли въ Княжескихъ народы крамолахъ.
 Въ то время Рускія внушали рѣдко нивы
 Гласъ дѣлашеля ихъ веселый и щасливый;
 А враны каркали о шрупахъ спора тамъ,
 И галки съ говоромъ слѣпалися къ кослямъ.
 Велики и временъ прошедшихъ бѣдства были,
 И въ прежнія войны мы много крови лили;
 Но въ браняхъ тѣхъ еще не слышно ни въ какой,
 Когдабъ производилъ сему подобный бой:
 Съ ушра до вечера, всю ночь, до ушра снова,
 Не прерывается шумъ битва войскъ сурова:
 Каленыхъ туча стрѣлъ по всѣмъ мѣстамъ лепишъ,
 Трещишъ копьѣ въ щипахъ, по шлемамъ мечъ гремишъ,
 Среди Половецкой земли, въ безвѣспномъ полѣ.

О пагубная брань! всѣхъ золь для смертныхъ болѣ;
 Всѣ бѣдства опъ тебѣ въ Россіи возрасли!
 Изъ взрыпой конскими копытами земли,
 Косьми усянной, и кровью орошенной,
 Россійской рапи въ сихъ пустыняхъ низложенной,
 Возносишъ печаль, главу на грудь склоня,
 Всю мрачной тѣнію Россію осяня,
 Какъ древо нѣкое вѣшвиспо и уныло!

Но что передъ зарей мой шумомъ слухъ пронзило?
 То Игорь обративъ полки спремится въ бой,
 Звуча оружіемъ и бранною трубой:
 Жалѣешь съ войсками онъ брата Всеволода,
 Поборниковъ его и Рускаго народа.
 Спѣшивъ на помощь къ нимъ: шумъ бьются цѣлый день,
 Сражаются другой, пока покрыла тѣнь;
 На претій наспаетъ ужасная премѣна,
 Падутъ на шрупы войскъ Россійскіе знамена.
 Тумъ разлучаются два брата опъ враговъ,
 Каялы быспрыя съ несчастныхъ имъ береговъ.
 Кроваваго вина не доставало болѣ.
 Пиръ люпый кончился уже на рапномъ полѣ,
 И чашу смерпную преспали обносить.
 Враги упоены; ихъ нѣкому поить:
 Россіане всю кровь до капли изпочили;
 За землю Рускую живоупъ свой положили ⁽¹⁹⁾.
 Поникла жалоспью сраженная права,
 И преклонили свой печально верхъ древа.

Минули времена спокойспвіа веселы;
 Опущошаются поля у насъ и селы;
 Народы бѣдспвуютъ, копорыхъ самъ Дажь - Богъ ⁽²⁰⁾,
 Покровомъ бывъ всегда, уже спаспи не могъ.
 Вспупила въ образъ злой дѣвы грозна вида ⁽²¹⁾,
 На землю Рускую неиспова обида.
 А злоба у Донскихъ ликующа береговъ,
 Въ жестокой радоспи гордящихся враговъ,
 Какъ лебедь бѣлая на синемъ морѣ гичетъ,

Играешъ, плещешся, къ веселью спадо кличешъ,
 Сокрылись времена въ Россіи красныхъ дней:
 Междоусобія дѣляшъ ея Князей.
 Всякъ шокмо о своей одной корысти мыслишъ;
 Одно насиліе владыкъ закономъ числишъ.
 У брата братъ опняшъ себѣ не спавишъ въ спыдѣ;
 И се мое и шо мое же, говоришъ.
 Ничпожныя слова, неважныхъ дѣлъ спеченья,
 Уже приводяшъ ихъ въ раздоры, въ раздѣленья;
 Всѣ малоспи вину имъ къ распрямъ подаюшъ,
 И сами крамолу себѣ они куюшъ.
 А виѣшніе враги въ шомъ пользу обрѣшая,
 На землю Рускую опъ всюду нападая,
 Разяшъ, громяшъ, плѣняшъ, вершашъ всю люпоспъ золь.
 Такъ быспрый далеко занесшійся соколъ,
 Пшицъ робкихъ гонишъ, бьешъ и жмешъ на сине море.
 Спаспи же нѣкому опечеспва въ семъ горѣ:
 Нѣшъ Игоровыхъ войскъ! о Руская земля!

Свирѣпые вожди Половцевъ Карна, Жля (²²),
 По Рускимъ успремясь предѣламъ беззащипнымъ,
 По весямъ и градамъ съ мечемъ кровопролипнымъ,
 Рогъ пламенный всѣхъ бѣдспвъ исполненный несущъ,
 Изъ коего вездѣ и огонь и скорби льюшъ,
 Грызушъ сердца и души всѣхъ унылы,
 И истощаючи народный духъ и силы.
 Здѣсь плачущъ мапери о дѣпяхъ въ грудь бѣя;
 Тамъ жены Рускія рыдаюшъ, вопія:
 Лишились мы на вѣкъ супруговъ намъ любезныхъ;
 Уже не возведемъ на нихъ очей мы слезныхъ;

Уже ихъ мысленно встрѣчать не полетимъ;
 Уже надеждами себя не уладимъ,
 Чпо скоро къ намъ они съ корысшми возрапяпся.
 Всѣ спонупшъ въ Кіевѣ, въ Черниговѣ крушатся,
 И разливаеппся шоска по всѣмъ мѣстамъ.
 Предспала пучная печаль вездѣ очамъ,
 Уже упипана народными слезами;
 Скипаясь посредѣ Россіи межъ гробами,
 Рвешъ сердце кровію облившееся въ ней.
 Но распри и тогда дѣляшъ еще Князей,
 А разъяренные Половцы нападающъ,
 На землю Рускую, и дани налагающъ.

Бесплодной храбростію такъ Игорь, Всеволодъ,
 Заппмили славу шу въ несчастной своей походѣ,
 На кою Свяпославъ великій, ихъ родипель,
 Вознесъ Россію, бывъ повсюду побѣдипель.
 Онъ грозенъ, спрашенъ былъ всегда своимъ врагамъ.
 Съ полками сильными, съ мечемъ въ десницѣ самъ,
 На земли наступалъ Половецки проппивны,
 Являя мужество и ратны дѣйсва дивны:
 Онъ домы сравнивалъ, и холмы низвергалъ,
 Въ озерахъ и рѣкахъ онъ воды возмущалъ,
 Онъ блаппа осушалъ, ручьи, съ природой споря,
 И вѣроломнаго Кобяка ни хлябъ моря ⁽²³⁾,
 Ниже Половецки желѣзные полки,
 Онъ сильной не могли спаспи его руки:
 Онъ такъ какъ вихрь испоргъ сего вождя надменна,
 И въ Кіевѣ, въ своихъ черпюгахъ зрѣлъ павпенна.

Тамъ Свяпославовы у всѣхъ въ устахъ дѣла;
 Опъ чужеземцевъ имъ приносится хвала:
 Тамъ Нѣмцы, Греки, тамъ Моравцы и Венеты,
 Поютъ Княженія его и славы лѣпы.
 Но Князя Игоря не могутъ оправдать,
 Чпо ввергнулъ храбрую на дно Каялы рапъ,
 И злато Руское. Поперя часно боя,
 Опъемлетъ плодъ побѣдъ и славу у Героя:
 Такъ Игорь днесъ съ сѣдла златаго славы сшелъ,
 И на безславное сѣдло Коція всѣлъ (24).

Въ сраженномъ Кіевѣ сей вѣспью все уныло;
 Веселіе главу печально преклонило;
 Тамъ спѣны сѣпуютъ и башни тамъ груспяпъ.
 Единаго еще въ спокойспвѣ мнимомъ зряпъ,
 Подъ бременемъ поздныхъ лѣпъ согбенна Свяпослава (25),
 Невѣдуца о томъ, чпо гибнетъ Россовъ слава.
 Вельможи, въ спароспи щадя покой его,
 Всеобщую печаль скрываютъ опъ него.
 Но духъ тревожатъ въ немъ предчувствія нещаспны.
 Онъ зрипъ единожды сонъ мупный и ужасный,
 А возмущенный имъ, сзываетъ ближнихъ онъ,
 И тако спрашный сей повѣдуешъ имъ сонъ:

„На Кіевскихъ горахъ я въ ночь сію мечпался,
 „Гдѣ чернымъ я опъ васъ покровомъ одѣвался.
 „Тамъ будпо мупное мнѣ черпали вино,
 „Казалось, съ ядомъ мнѣ оно разпворено.
 „На лоно вы мое изъ раковинъ не чиспыхъ,
 „Премного жемчуговъ рассыпали зерниспыхъ,

„Стараясь ласками вселишь въ меня покой.
 „Ужь злаповерхій былъ безъ кнѣса перемъ мой ⁽²⁶⁾.
 „Вкругъ Пленска въ дебряхъ, мнѣ мечпалось, были слышны
 „Носящи къ морю ихъ добычу враны хищны. ⁽²⁷⁾

Тогда молчаніе прервавъ весь сонмъ бояръ,
 Предъ Княземъ изрекли судьбины злой ударъ.
 „Храня швое для насъ спокойство драгоцѣнно,
 „Масшипой староспи спокойствіе священо,
 „Мы долго общу скорбь скрывали опъ тебя.
 „Но больше принуждашь не въ силахъ мы себя,
 „И оспавляшь тебя въ невѣденіи долъ.
 „Познай о бѣдствіяхъ Россіянъ въ рапномъ полѣ!
 „Познай, о Государь, чпо Игорь, Всеволодъ,
 „Какъ быспры соколы проспершися въ полеть,
 „Оспавя свой злпый престоль, для новой брани,
 „Пуспились съ воинспвомъ искапъ Тьмупорокани ⁽²⁸⁾,
 „Желая шлемами испишь изъ Дона водъ.
 „Но шерны возраспилъ не лавры сей походъ.
 „Се крылья соколовъ обрублены мечами,
 „И въ пушинахъ уже они желѣзныхъ сачи.
 „Два дни въ побоищѣ Россіянъ кровь текла;
 „На преній день ихъ свѣтъ покрыла черна мгла:
 „Тупъ оба солнца ихъ, сполпы багряны оба,
 „Во мраки облекла враговъ ужасна злоба;
 „Младые мѣсяцы, Олегъ и Святославъ,
 „Запмились съ ними вдругъ, всѣ въ плѣнъ возспенавъ;
 „Надъ ними на брегахъ Каялы ночь спустилась,
 „И дерзоспъ Ханская побѣдой возгордилась:

„Половцы буйные въ предѣлы наши вшедь,
 „Какъ пигры люпые несущь повсюду вредъ;
 „Губишь огнемъ, водой, мечемъ, все брань кровава.
 „Уже въ безславіе преходишь наша слава;
 „Изъ благоденствія, свободы, пишины,
 „Въ неволю, въ бездну золь, ввергаются спраны.
 „На берегахъ морскихъ ужъ Гопѣски дѣвы красны (29),
 „Звѣня доставшимся имъ златомъ, безопасны,
 „Поюшь шамъ Бусовы, для насъ шоль грозны дни,
 „Месць Шароканову хвалами чшяшь они (30),
 „Свершившюся здѣсь надъ нашими главами;
 „А мы внимаемъ шо со спономъ и слезами.“

Потупили свой взоръ вельможи рѣчь скончавъ.
 Тогда сраженный шѣмъ великій Святославъ,
 Съ слезами изронилъ сіе смѣшенно слово:
 „О Игорь, Всеволодъ! во время вы сурово
 „Пошли, испоргнувъ мечъ, разрушивъ пишину,
 „Для славы покоряшь Половецку спрану.
 „Вы сей ли опъ своей побѣды плодъ вкусили,
 „На шоль невѣрную вы кровь нещадно лили,
 „Чшобъ ваши храбрыя сердца въ плѣну враговъ,
 „Кипѣли и рвались подъ шягоспью оковъ?
 „Что сотворили вы любезны чада нынѣ,
 „Что сотворили вы сей серебряной сѣдинѣ!
 „Увы! гдѣ дѣлся весь богатствъ и силъ соборъ,
 „Чѣмъ цвѣлъ и красился мой рапный станъ и дворъ?
 „Гдѣ брапа моего всѣ войски Ярославъ?
 „Гдѣ прежнихъ воиновъ Россійскихъ нынѣ слава?

„Гдѣ днесь Черниговски Могупы, Были есѣ (31),
 „Топчаки на бояхъ, Ревуги, войска чесѣ?
 „Ольберы нынѣ гдѣ, Шельбиры и Тапраны,
 „Носящи подвиговъ ихъ знаки, многи раны?
 „Гдѣ шѣ, которые безъ шлемовъ и щиповъ,
 „Съ единой булавой врывались внутрь враговъ,
 „Единымъ гласомъ ихъ ужаснымъ успрашали,
 „И славой прадѣдовъ гремя, ихъ побѣждали?
 „Нѣтъ больше ихъ. Но вы друзья! изрекши мнѣ,
 „О пагубной войнѣ, о бѣдствіяхъ въ спранѣ,
 „Мужайпесь, и на брань готовпесе со мною.
 „Пойдемъ, и собспвенной мы храбростію одною,
 „Всю прежнюю свою шамъ славу возвратимъ,
 „И болѣе ни съ кѣмъ ея не раздѣлимъ.
 „Ахъ! дивноль чѣто злой рокъ мнѣ юность обновляеѣ?
 „Когда младый соколъ въ юлетѣ быспрѣ бываеѣ,
 „Равно и въ спароспи вносясь ппицѣ гонипѣ, бѣеѣ,
 „И своего гнѣзда въ обиду не даеѣ.
 „Но чѣто вѣщаю я! составъ мой силъ лишенный,
 „Уже не оживипѣ духъ бодрый и военный!
 „Все премѣнилося со спароспью моею:
 „Нѣтъ больше помощи опѣ кровныхъ мнѣ Князей.
 „Разсѣяны они, всѣ заняпы враждами.
 „Уримъ, вѣщаюѣ, палъ Половцевъ подѣ мечами (32)
 „А Володиміръ легъ подѣ ранами опѣ нихъ;
 „О горе, Глѣбовъ сынъ, шебѣ въ спранахъ чужихъ (33)!

„Великій Всеволодъ опселѣ опдаленный (34),
 „Спасатѣ опцевъ пресполь не мыслишѣ попрасенный.

„Ты можешь веслами всю Волгу разкропишь,
 „И шлемами весь Донъ изчерпавъ осушишь.
 „Когда бы ты здѣсь былъ, то былибъ предъ побой,
 „И Чага и Кошій лишь перспію земною.
 „Гдѣ Глѣбовы сыны опважные съ побой,
 „Почто изобрѣшашъ орудія на бой?
 „Они тебѣ въ бояхъ живые Шерешіры ⁽³⁵⁾:
 „Тыбъ ими по суху спрѣлялъ; но Россы сиры,
 „Васъ щепно въ помощь ждунъ къ опмщенію обидѣ.

„Вы храбрые Князья, и Рюрикъ и Давидъ ⁽³⁶⁾!
 „Половцы вамъ враги. Не вашиль низложенны
 „Тамъ плавають въ крови шелома позлащенны?
 „Не вашиль воины израненные памъ,
 „Подобно опъ звѣрей шерзаемымъ воламъ,
 „Въ степяхъ незнаемыхъ помясь, еще рыкають?
 „Восядыте на коней, Князья, къ вамъ всеъ взывають,
 „Опмсшите новыя обиды сихъ временъ;
 „За раззоренія, за слезы, кровь и плѣнь,
 „За землю Рускую, за Игоревы раны!
 „Да вашимъ мужесвомъ накажунся пираны.

„А ты Князь Галицкій, Осмомысль Ярославъ ⁽³⁷⁾,
 „На златокованномъ престолѣ возблиспавъ
 „Полками сильными желѣзными своими,
 „И горы Угорски ты подпирая ими,
 „Тѣмъ преграждаешь путь владѣльцу ихъ въ нашъ край;
 „Тобой заворены врага равно въ Дунай;
 „Ты мещешь тяжести чрезъ облаки велики,
 „Рядишь до сей рѣки суды въ лицѣ владыки;

„И грозы шамъ швои пекушъ по всѣмъ землямъ.
 „Ты Кіеву опверзъ пупи ко всѣмъ краямъ.
 „Проспранспвомъ многихъ спранъ не могшіе укрывшся,
 „Сулшаны опъ шебя безсильны защишишся:
 „Разишъ съ злашаго шы преспола ихъ всегда.
 „О многомошный Князь, бросъ громъ свой и сюда:
 „Да будущъ опъ шебя Кончакъ, Кощей, пошранны,
 „За землю Рускую, за Игоревы раны!

Вы мужештвенные Князья, Романъ, Мспиславъ ⁽³⁸⁾,
 „Дѣлами славными умъ швердый напишавъ,
 „На предпріятія велики, шрудны, важны,
 „Вы плавали всегда высоко, бивъ опважны,
 „На вѣпрахъ какъ соколъ ширяся парипъ,
 „И въ буйшвѣ одолѣшъ пишицъ робкихъ спадо мнишъ.
 „У васъ Лапинскіе и шлемы ешъ и лапы,
 „Чѣмъ Ханскія спраны ужъ многія опъяпы.
 „Яшвяговъ, Деремелль, Половцевъ и Липвы,
 „Лежишъ оружіе предъ вами, и главы,
 „Главы ихъ гордыя подъ мечъ вашъ преклоненны.
 „Потерпише ли вы, чшобъ Игорь заключенный,
 „На вѣки солнца былъ и славы всей лишень,
 „И въ цвѣшъ дни его мрачилъ поношный плѣнъ?
 „Половцы не спрашасъ полковъ съ нимъ храбрыхъ болѣ,
 „По Росѣ и Сулѣ дѣляшъ града по волѣ;
 „Донъ кличешъ васъ, Князья, сулишъ побѣду вамъ.
 „Коликобъ васъ могло прошивосшашъ врагамъ!
 „Уже и Ольговы взрослые, и могушъ чада ⁽³⁹⁾,
 „Подъявъ оружіе, изыпи въ брань изъ гарда.

„Вы такъ же храбрые Ингварь и Всеволодъ,
 „И шрое славнаго Мстиславля рода плодъ (⁴⁰),
 „Гнѣзда почтеннаго пшеницы шестокрылапы,
 „Не опъ побѣдъ ли вы и сильны и богаты?
 „На что вамъ Ляхскій щипъ и мечъ и шлемъ златой,
 „Когда нѣтъ помощи другъ другу никакой?
 „Спрѣлами къ намъ пупи Половцамъ заградите;
 „За раны храбраго имъ Игоря опмстите,
 „За землю Рускую спенящу опъ враговъ!

„Единъ лишь Изяславъ, сынъ храбрый Васильковъ (⁴¹),
 „О шлемы зазвѣня Липовскіе мечами,
 „Вознесся славою и рапными дѣлами,
 „Превыше чѣмъ Всеславъ его доспойный дѣдъ:
 „Но палъ онъ подъ щипомъ сраженный средъ побѣдъ,
 „И кровью обагривъ своей пустыни шравы.
 „Тамъ смершннй одръ ему въ поляхъ его былъ славы.
 „Дружина вѣрная вокругъ его легла:
 „Одинъ имъ одръ, одна могила всѣмъ была.
 „Ихъ шрупы хладные ппицъ крылья покрывали,
 „И звѣри язвы ихъ и жарку кровь лизали.
 „Нешасшннй Князь! одинъ ты шель безъ брапьевъ въ бой:
 „Туть не былъ Брячиславъ, ни Всеволодъ съ побой,
 „Сквозъ ожерелье какъ златое излешла
 „Жемчужная душа швоя изъ храбра шѣла (⁴²).

„Уныла радость вдругъ, веселіе, въ шѣ дни,
 „Лишь гласы раздались раздора шамъ одни;
 „Гремятъ воинскихъ шрубъ повсюду спрашны звуки.
 „О Ярославъ, и вы Всеславы всѣ внуки (⁴³)!

„Не восхопѣли вы проптивоспашъ врагамъ.
 „Повергнипежъ свои знамена къ ихъ ногамъ,
 „Въ влагалища мечи вложите посрамленны:
 „Вы дѣда своего всей славы ужъ лишены!
 „Не распрямилъ межъ васъ враги наведены,
 „На Святославу жизнь, на Рускія спраны?
 „Какихъ насилій мы чрезъ то не прешерпѣли,
 „Опъ вѣроломныя Половецкія цѣли!

„Въ седьмый Трояновъ вѣкъ, во цвѣтѣхъ лѣтъ Всеславъ,
 „Любовію къ молодой дѣвицѣ воспылавъ,
 „Ко граду Кіеву, какъ люшый звѣрь спремился,
 „Низвергнувъ копіемъ златый престоль шамъ пицился.
 „По семъ изъ Бѣль - града въ полуночи печешъ,
 „Врапа Нова - града сприкусами прясешъ ⁽⁴⁴⁾,
 „На всходѣ солнечномъ пущъ въ городъ опверзаетъ,
 „И Ярославову шамъ славу попираетъ;
 „А изъ Дудупокъ вдругъ къ Немигѣ онъ лешитъ ⁽⁴⁵⁾.
 „На брегѣ оныя брань люшая кипитъ:
 „Тамъ поле ратное, какъ сельскій покъ снопами,
 „Такъ храбрыхъ воиновъ все усплано главами;
 „Разяпъ желѣзные подобно ихъ цѣпы,
 „Какъ класовъ пучные молопяпся снопы;
 „На спрашномъ покѣ семъ о жизнь не жалѣютъ,
 „И въ вихрѣ яроспи опъ шѣла душу вѣютъ.
 „Не справы зрѣлись вокругъ Немигиныхъ береговъ,
 „А коспи Рускаго опечесива сыновъ.

„Всеславъ разпоряжалъ народами всевластно,
 „И грады раздавалъ въ удѣлы безопасно;

„Какъ гордый рыскалъ левъ въ Тьмупороканъ, въ Херсонъ;
 „Повсюду учреждалъ и правилъ мудро онъ.
 „Хотя былъ тѣломъ бодръ, блиспалъ умомъ, дѣлами,
 „Но часто и спрадалъ поспигнушый бѣдами.
 „Умно о немъ Боянъ сладкорѣчивый рекъ:
 „Ни хипрому изъ насъ, ни мудрому въ свой вѣкъ,
 „Ниже по ппичьему искусенъ кпо лепашпи,
 „Судьбы предписанной ему не миновапи (46).

„О! Руская земля, спонапъ тебѣ, спонапъ!
 „Годину первую свою воспоминапъ,
 „И первыхъ доблеспи Князей своихъ всечаспно!
 „Ужъ сердце спараго Владиміра безспраспно,
 „Не привлекается днесъ къ Кіевскимъ горамъ:
 „Чѣмъ Рюрикъ и Давидъ идуши въ помощь къ намъ,
 „Узрѣвъ въ Ошечеспвѣ толикія премѣны,
 „Оспановили ихъ проспершыя знамены.
 „А наши вознося враги свой гордый рогъ,
 „Изъ сердца Рускаго пьюпъ слезъ и крови токъ;
 „Какъ хобопомъ слоны перзаюпъ все рыкая,
 „И копя ихъ звучапъ до береговъ Дуная (*)!66

Рекъ тако Святославъ; и славою дыша,
 Среди всѣхъ бѣдспвъ, его великая душа,

(*) Да простятъ мнѣ читатели, что я въ семъ невразумительномъ въ подлинникѣ мѣстѣ, осмѣлился придапъ словамъ нѣкоторой смыслъ Пѣвической. Лучше какой нибудь смыслъ, нежели слова безъ смысла.

Но въ шѣлѣ вѣпхомъ ужъ мятепся сокрушенна,
 Какъ дуба древняго вершина попрясенна,
 Когда бурливый вѣпръ шумипъ въ его лиспахъ.
 Любовь къ опечеству еще горипъ въ очахъ;
 Но къ персямъ ужъ глава невольно преклонялась;
 Печаль его на всѣхъ вельможей разливалась,
 Споящихъ вокругъ его, сѣдаща посредь.
 Простерлось мрачное безмолвіе вездѣ,
 По спогнамъ, по домамъ, по Княжескимъ черпогамъ.
 Гласъ жалостный единъ, унылыхъ душъ къ шревогамъ,
 Лишь тихо носипъ по граду на заряхъ:
 То Ярославниъ спонъ на городскихъ спѣнахъ (⁴⁷);
 Куда всходя она, взоръ скорбный проспираетъ,
 Въ спрану опколь къ себѣ супруга ожидаетъ,
 Толь сердцу милого, унесшаго съ собой,
 Всѣ радости ея, надежды и покой;
 И горестною съ нимъ разлукою терзаясь,
 Вѣщаетъ пакъ она, слезами обливаясь:

„Я горлицей сама къ Дунаю полечу,
 „Бобровый свой рукавъ въ Каялѣ омочу,
 „И раны обопру на Игоревомъ шѣлѣ.
 „На блѣдномъ можешь быпъ и хладномъ ужъ доселѣ!

Во ушренни часы, на городскихъ спѣнахъ,
 Супруга Игоря вѣщаетъ во слезахъ:

„О вѣпръ, власпитель водъ! за что ты свирѣпѣешь,
 „Почпо, ужасный вѣпръ, съ такою силой вѣешь?

„Почто убійсивенны на крыльяхъ стрѣлы мчишь,
 „Супруга моего на воиновъ спремишь?
 „Иль мало для тебя еще владѣшь морями,
 „И волны вознося до облаковъ горами,
 „Обуреваешь на нихъ плывущи корабли?
 „Чѣмъ прогнѣвши тебя могла я на земли?
 „За что веселіе вкушаемое мною,
 „Развѣялъ по степнымъ правамъ ты вѣпръ съ собою?“

Во упренни часы, на городскихъ спѣнахъ,
 Супруга Игоря вѣщаетъ во слезахъ:

„О славный Днѣпръ! свои каия къ Половцамъ поки,
 „Сквозь горы каменны опверзъ ты пушь широкой;
 „Ты Святославовы суда въ спруяхъ носилъ,
 „Противъ Кобыковыхъ враждебныхъ Россамъ силъ;
 „Неси супруга ты ко мнѣ, рѣка священна,
 „Да упромъ слезъ къ нему не шлю я, сна лишена!

Во упренни часы, на городскихъ спѣнахъ,
 Супруга Игоря вѣщаетъ во слезахъ:

„О солнце красное! весь міръ ты согрѣваешь,
 „На всѣхъ свой ясный свѣтъ щедрошно изливаешь,
 „Лишь хладно для меня, и мрачно мнѣ одной.
 „Почто ты знойный лучъ, почто простерло свой
 „Супруга моего на рапъ въ безводномъ полѣ,
 „Томиму жаждою, и не могущу болѣ,
 „Ни луковъ напрягаешь, ни стрѣлъ пускаешь опъ мукъ,
 „Съ горпанью пламенной, изъ ослабѣвшихъ рукъ?

„Не палибъ воины Россійски подъ мечами:
 „Ахъ! шы сразило ихъ горящими лучами!

Такъ рано по ушрамъ, на городскихъ спѣнахъ,
 Супруга Игоря вѣщала во слезахъ.
 Но премѣняется ея на радость горе.
 Возволновалось въ полуночи вдругъ море;
 Со мглами черными ужасны смерчи шли (48):
 Тогда изъ пагубной Половецкой земли,
 Путь Игорю судьбы въ Россію открываютъ,
 Куда престоль его и Россы призываютъ.
 Послѣдній свѣтъ зари вечернія погасъ.
 Князь Игорь возлежипъ въ одрѣ еще въ шопъ часъ,
 Но сонъ ресницъ его сей ночью не смыкаеть.
 Онъ мыслію поля обширны измѣряеть,
 Межъ Дона и Донца лежація береговъ.
 Конь быспрый для него въ полуночи топовъ.
 Сквозъ мраки скоро свистъ раздался за рѣкою.
 То былъ условный знакъ у нихъ между собою,
 Съ Овлуромъ вѣрнымъ въ семъ пути вождемъ ему (49).
 Князь ухо преклонялъ радивое къ нему.
 Удостоверясь же во ономъ несомѣнно,
 Онъ восплаеть съ одра печальнаго мгновенно,
 Гдѣ множеству ночей бессонныхъ провождалъ,
 Гдѣ самой сонъ его мечтами возмущалъ;
 И спѣны темной его жилища скрипа,
 Ужъ плѣнника въ себѣ не видяпъ знамениша.
 Взылъ вѣпръ, шумипъ права, всѣ вежи попрысались (50),
 Ночь съ бурей Игорю покровомъ сопряглись:

Подъ ними къ проспнникамъ онъ горноспаемъ мчипся,
 И бѣлымъ гоголемъ въ спруи рѣки спремипся ⁽¹¹⁾;
 Преплывъ и на коня уже возсѣвши шамъ,
 Течешъ къ Донецкимъ онъ пологимъ берегамъ;
 Какъ волкъ черезъ поля Половецкія рыщешъ;
 Лешипъ, какъ въ облакахъ соколъ, повсюду ищешъ
 И бьешъ во снѣдъ себѣ гусей и лебедей.
 Съ Овлуромъ тако Князь, бодря своихъ коней,
 И росу хладную съ кусповъ въ ночи спрясая,
 Приносятся къ Донцу; и пушь свой продолжая,
 Спрямятся далѣе по берегамъ его.

Тогда Донецъ изъ нѣдръ жилища своего,
 Вънчанну проспнникомъ главу подъемля важно,
 И видя шествіе шоль дивно и опважно,
 Такъ Князю Игорю привѣстшвуя изрекъ:
 „Не мало славы сей придасть тебѣ побѣгъ;
 „Кончака поразитъ, Россіи дастъ опраду,
 „Неустрашимаго шоль подвига въ награду.“
 А Игорь на сіе вѣщаетъ: „о Донецъ!
 „Прославишься и ты опъ Рускихъ всѣхъ сердець,
 „Чшо ты носилъ меня въ спруяхъ своихъ прозрачныхъ,
 „Чшо мягкую праву мнѣ слалъ въ долинахъ злачныхъ,
 „На сребряныхъ своихъ покоя берегахъ;
 „Среди зеленыхъ роць, въ прохладныхъ ихъ шѣняхъ,
 „Я мглами теплыми шобою покрывался,
 „И вѣрной спражею швоею охранялся:
 „То гоголи въ водахъ, шю чайки на спруяхъ,
 „На вѣпрахъ черняди, являлися въ глазахъ ⁽¹²⁾.

„Не сходствують съ тобой свирѣпой Спугны токи:
 „Та многіе пожравъ въ себя ручьи глубоки,
 „И разливаясь широко на берега,
 „Терзаетъ ихъ, и бьетъ плывущіе спруга,
 „Влача по камнямъ ихъ и пнямъ безчеловѣчно.
 „Та въ Днѣпръ пресѣкла пущь и Роспиславу вѣчно (⁵³),
 „И въ шумныхъ погребла его своихъ волнахъ.
 „По юномъ Князѣ семъ мапъ въ спонѣ и слезахъ.
 „Цвѣшъ опъ слезъ ея печально увядающъ,
 „Древа опъ жалоспи вершины преклоняющъ,
 „И пщицы въ ужасѣ пускающъ скорбный гласъ.

Еще глубокаго былъ утра тихій часъ,
 Природа въ сладкомъ снѣ, пѣвцы лѣсовъ молчали,
 Лишь дятлы спухомъ пущь къ берегамъ рѣки казали,
 И пѣсни соловьевъ предвозвѣщали свѣтъ:
 Кончакъ и Гзакъ пекутъ за Игоремъ во слѣдъ.
 Въ пущи, жестокій Гзакъ Кончаку такъ вѣщаетъ:
 „Когда изъ рукъ соколъ къ спыду намъ улешаетъ,
 „Да позлащенная пронзипъ въ сей часъ спрѣла,
 „Оспавленна опцемъ младаго сокола.“
 Кончакъ опвѣспивуетъ: „не будемъ ли суровы,
 „Коль кровью обогримъ мы плѣнника оковы?
 „Не лучше ли оковать его намъ крѣпче вновь?
 „То безъ жестокоспи содѣлаешъ любовь:
 „Повергнемъ мы его во узы дѣвы красной (⁵⁴).“
 Но Гзакъ: „чпобъ съ ней инасъ поспигнуль рокъ нещасной;
 „Лишимся плѣнника и дѣвы мы въ топъ часъ.
 „Совѣшъ пагубны швои Кончакъ для насъ:

„Тѣмъ только привлечемъ орловъ мы Рускихъ болѣ,
 „И на Половецкомъ опъ нихъ поспраждемъ полѣ.

Правдиво въ проспомѣ Боянъ нашъ могъ изречь:

„Сколь тяжко было бы шебѣ глава безъ плечъ;

„Сполъ тѣлу безъ главы оспаться неудобно:“

Народу Рускому безъ Игоря подобно.

Какъ солнце мещетъ свѣтъ повсюду въ небесахъ,

Сіяетъ Игорь такъ въ опеческихъ спранахъ.

Уже пришедше его ихъ восхищаетъ;

Имъ бодрость, мужество, надежды, возвращаетъ;

Дѣвицы на брегахъ Дунайскихъ пѣснь поютъ;

Черезъ море Кіеву восторгъ свой знаютъ даютъ.

Се Игорь шествуетъ по Боричеву прямо (‘‘)

Ко Пирогощей въ храмъ, молебствовать тамо (‘‘).

Веселіе въ спранахъ и радость во градахъ!

Вездѣ гремятъ хвалы Князьямъ во всѣхъ устахъ,

Тамъ слава Игоря, съ Буйшуромъ Всеволодомъ,

И со Владиміромъ воспѣта предъ народомъ.

Князья съ дружиною всѣ здравіемъ цвѣтутъ:

Въ обиду Христіанъ невѣрнымъ не дадутъ.

Возобновляется щасливая судьбина!

Да славятся Князья! да славятся дружина!

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

К Ъ П Ъ С Н И.

(¹) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ Георгіемъ; женился въ 1184 году на Княжнѣ *Евфросиніи*, дочери Князя Ярослава Володиміровича *Галичскаго*. Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

(²) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Руской, которой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ въ примѣръ здѣсь приведенныхъ его словъ явствуетъ, что *Боянъ* воспѣвалъ всегда важныя происшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. Когда и при которомъ Государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать не лзя; ибо не осталось намъ никакого опривка, прежде великаго Князя *Владиміра Святославича* писаннаго.

(³) Чрезъ стараго *Ярослава* Сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя *Ярослава Владиміровича*, даващаго Новгородцамъ законы, подъ именемъ *Русской Правды* до нынѣ извѣстныя. Онъ былъ прапрадѣдъ *Игорю Святославичу*, которому воспѣвается пѣснь сія.

(⁴) Храбрый *Мстиславъ*, такъ же сынъ Великаго Князя *Владиміра Святославича*, родной братъ *Ярославу I*. Будучи на удѣлѣ въ Тмутороканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ *Косоговъ*.

Князь Косожскій *Редедя*, понадѣясь на крѣпость мышцъ своихъ, буди побъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ опъ напраснаго кровопролитія, предложилъ ему поединокъ. *Мстиславъ* охотно на сіе согласясь, сразился съ нимъ, и одолѣвъ своего сопропивника, лишилъ его жизни. По сдѣланному предварительному въ пользу побѣдителя условію вступивъ во владѣніе Косоговъ, наложилъ онъ на нихъ дань, завладѣвъ всемъ богатствомъ Княжескимъ, а жену и дѣшей его увелъ въ плѣнь за собою.

Опъ сыновей сего побѣжденнаго Князя Косожскаго произошли извѣстныя въ Россіи фамиліи: *Добрынскихъ*, *Зайцовыхъ*, *Бирдюковыхъ*, *Поджесинныхъ*, *Гусевыхъ*, *Елизаровыхъ*, *Симскихъ*, *Хобаровыхъ* и *Глѣбовыхъ*.

(⁵) *Романъ*, сынъ Князя *Святослава Ярославича*, былъ на удѣлѣ Княженія Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году согласясь съ Половцами, онъ хопѣлъ опнять Переяславль у Великаго Князя *Всеволода Ярославича*: но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ *Кіевскимъ*. Когда онъ за сію измѣну спалъ упрекать Половцевъ, шо произошла изъ шого ссора, въ копорой онъ былъ опъ нихъ убитъ.

(⁶) Равно - Апостольный Великій Князь *Владиміръ Святославичъ*, просвѣпившій Рускую землю Святымъ крещеніемъ.

(⁷) *Дружиною* назывались отборные и приближенные воины, сопровождавшіе Государей во всѣхъ походахъ.

(⁸) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о *Троянѣ*, шо есть, трола *Трояня*, вѣчи *Трояни*, земля *Трояня* и

седьмой вѣкъ Трояновъ: но кто сей *Троянъ*, догадаться ни почему невозможно.

(⁹) *Велесъ*, Славянскій въ язычествѣ богъ, покровитель стада. Его считали вторымъ послѣ *Перуна*. По названію *Бояна* внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіанской вѣры.

(¹⁰) *Буй* значить *дикій*, а *туръ* вола. И пакъ *Буйтуморомъ*, или *Буйсоломъ* называется здѣсь *Всеволодъ* въ смыслѣ метафорическомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. Вѣроятно, что изъ сихъ двухъ словъ составилось попомъ названіе *богатыря*, ибо другаго произведенія оному слову до сихъ поръ не найдено.

Всеволодъ Святославичъ, меньшій братъ *Игоревъ* превосходилъ всѣхъ своего времени Князей не токмо возрастомъ шѣла и видомъ, которому подобнаго не было, но храбростию и всѣми душевными добродѣтелями прославлялся повсюду. — *Татищ.* испор. часть III. стр. 320.

(¹¹) Слово сіе производящее или отъ *диво* (чудо), или отъ *дивій* (дикій), представляеть здѣсь верховное Половецкое правительство, которое, аки нѣкое сѣдящее на высотѣ престола спрашилище, печется чрезъ приумноженіе силъ своихъ нанести непріятелю всякое зло и вредъ. Прим. Г. Шишкова.

Не прорицалище ли только какое нибудь? Не зловѣщее ли какое божество, во времена несчастныя?

(¹²) Пшичій полетъ издавна былъ у многихъ народовъ предзнаменованіемъ щастія или несчастія въ предпріятіи; и Римляне гадали по пшичамъ. Равнообразно примѣчали, въ которую сторону слетались хищ-

ныя пшеницы, и памь неминуемой предполагали бытъ гибели людской. Волчій вой пакъ же предвѣщалъ кровопролитную войну.

(¹³) Русское село въ области Переяславской на границѣ къ Половцамъ, лежащее близъ рѣки *Олты*. — *Татищ.* часть III. стр. 120.

(¹⁴) Воинскіе почетные доспѣхи.

(¹⁵) *Гзакъ* и *Кончакъ*, оба Половецкіе Князья, предводительствовавшіе тогда войскомъ своимъ противъ Князя *Игоря*.

(¹⁶) *Стрибогъ* (Славенскій Золъ) кумиръ во время язычества въ Кіевѣ боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

(¹⁷) Супруга *Всеволода Святославича*, брата *Игоря*, дочь Князя *Глѣба Юрьевича Переяславскаго*.

(¹⁸) Князь *Олегъ Святославичъ*, бывшій съ 1065 по 1114 годъ на Тмутороканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его и склонность къ возмущеніямъ много навлекли зла на землю Рускую. Половцы всегда были оружіемъ замысловъ его. Онъ многократно приглашалъ ихъ на раззореніе своего опечества, и вмѣсто плаши за вспоможеніе, попускалъ имъ опустошать и грабить повсюду. Въ 1096 году Рускіе Князья рѣшились усмирить его, и соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ; но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его споровъ примиреній едва могли удержать алчность его, предписавъ ему съ братьями своими довольствоваться владѣніемъ *Чернигова, Сѣверы, Вятичей, Муромъ* и *Тмутаракани*, которыя состояли за опцемъ его.

(¹⁹) *Половцы* возгордятся побѣдою и взятіемъ въ плѣнъ Игоря съ шоварищи прислали къ Великому Князю Святославу купцовъ Рускихъ съ росписью, сколько за кого пребывали окупа. За Игоря положили они цѣну по погоданиему времени несносную, а именно: 2000 гривень (фуншовъ) серебра; и хотя Великій Князь Кіевскій, любя его, хотѣлъ выкупить, но *Половцы* иначе на сіе не соглашались, какъ пребуя, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ. — *Татищ.* III. стр. 266 и 269.

(²⁰) Кумиръ, въ Кіевѣ богошворимый, податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Даждь-божеемъ, названы его внуками.

(²¹) Можетъ быть слово *дѣва* употреблено здѣсь въ смыслѣ нѣкоего грознаго или свирѣпаго божества, какъ то и понынѣ въ сказкахъ привязываемъ мы сіе понятіе къ нѣкопорымъ женскимъ лицамъ, шаковымъ, какъ *Царь-дѣвица*, *Баба-ега* и проч. Или можетъ быть подъ словомъ *дѣва* сочинилъ разумѣлъ, что обида никогда неизвѣстна была Руской землѣ, никогда не сочешавалась съ нею, и дѣвою, то есть, первый разъ въ нее вступила. Примѣч. Г. Шишкова.

(²²) *Карня* и *Жля* предводили хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Рускую.

(²³) *Кобякъ*, Князь Половецкій, котораго Великій Князь *Святославъ III* въ 1184 году не подалеку рѣки *Орла* побѣдилъ на сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями, и съ другими Князьями и семь тысячъ войска его.

(²⁴) О *Кошеѣ* упоминается въ Исторіи Тапищева томъ III на стр. 159, что онъ въ 1163 году, когда Великій Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предварилъ ихъ о семъ нашествіи.

(²⁵) Великій Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ несчастія.

(²⁶) Подъ словомъ *кнѣсѣ* или *князь* разумѣется здѣсь жолобъ или брусъ, въ которомъ соединяющія верхніе концы кровельныхъ досокъ.

(²⁷) Городъ Галичскаго княженія, смѣжный съ Владимірскимъ на Волынѣ. — *Татищ.* часпъ III, стр. 287 и 288.

(²⁸) Тьмушараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власпи и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкопорую силу; но какъ скоро междоусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру; то Половцы, усилившись опъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмушараканью. — См. Истор. изслѣд. о Тьмушараканскомъ княженіи, печат. въ С. Петербургѣ 1794.

(²⁹) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Гопѣскимъ двамъ Руское золопо, сообразить невозможно.

(³⁰) Кто былъ *Бусѣ*, неизвѣстно; а о *Шураканѣ*, въ Лѣтописяхъ подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего Князя названъ былъ Половецкій на рѣкѣ Донцѣ городъ, съ котораго въ 1111 году Русскіе взяли окупъ. *Татищ.* часпъ II, стр. 204.

(³¹) Откуда слово *быль* имѣетъ начало свое, и значить ли оно *боярина*, не знаю; но безъ сомнѣнія слово *бобыль* долженствуетъ производиться отъ онаго. Примѣч. Г. Шишкова.

Кажется *быль* значить здѣсь бывалый, бывальщина, (опытный, навичный), такъ же какъ *могута* могучій, а *толчакъ* и *ревуга*, производятся отъ глаголовъ *попшашъ* и *ревешъ*; но *ольберы*, *шельбиры* и *татраны* отъ чего производятся намъ нынѣ неизвѣстно.

(³²) Одинъ изъ Воеводъ, или союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій.

(³³) Кого сочинитель сей поэмы разумѣетъ подъ именемъ сына *Глѣбова*, рѣшительно сказать не лзя; ибо изъ современниковъ сему происшествію сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: *Владимірѣ*, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславѣ; *Ростиславѣ* сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкѣ; *Романѣ*, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Рязанѣ. Кажется въ подлинникѣ очень ясно выражено, что Владимірѣ и Глѣбовъ сынъ одинъ и тотъ же.

(³⁴) Сіе относится къ Великому Князю *Всеволоду III*, сыну Князя *Ольга Святославича* Тмушараканскаго.

(³⁵) Незвѣстный уже нынѣ воинскій снарядъ. Можетъ быть, родъ пращи, которою камни метали, или какое либо огнеспрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени упоминается: „что въ 1185 году *Кончакѣ*, Князь „Половецкій собравъ войско великое, пошелъ на предѣлы „Русскіе, имѣя съ собою мужа, умѣющаго спрѣлять ог- „немъ; у коего были самоспрѣльные шуги такъ велики,

„что едва восемь человекъ могли натягивать, и укрѣплень
 „быль на возу великомъ, чѣмъ онъ могъ бросать и ка-
 „меня въ средину града въ подъемъ человеку: а для ме-
 „шанія огня имѣль особый малѣйшій возъ,,. — *Татищ.*
 часть III. стран. 259.

Прибавленіе, *по суху стрѣлять*, заспавляетъ еще до-
 гадываться, что сіи *Шерешеры*, были воинскія орудія бо-
 лѣе на водѣ для судовъ, нежели на сухомъ пущи.

(³⁶) Современные сему происшествію Князя *Рюрикѣ*
 и *Давыдѣ*, сыновья великаго Князя *Ростислава Мстисла-*
вича.

(³⁷) Князь *Ярославѣ*, сынъ Князя *Владимира Волода-*
рича Галичскаго.

(³⁸) Великій Князь *Романѣ*, сынъ Великаго Князя *Ро-*
стислава Мстиславича. Сей Князь въ 1173 году въ про-
 долженіе войны своей пропивъ *Липвы*, шакое спрахъ и
 опуспошеніе разпроспранилъ тамо, что никто не смѣль
 пропивоствать ему. *Липовцы* бѣгая отъ него, укрыва-
 лись въ *лѣсахъ*. По возвращеніи изъ похода своего, мно-
 жество плѣнныхъ роздалъ онъ по селамъ въ рабы и
 приказалъ ими пахать. Отъ сего произошла въ *Липвѣ*
 пословица: *зле, Романе! робишѣ, что Литвинолѣ орешѣ*.
 — *Татищ.* часть III. стран. 183.

Подъ именемъ же *Мстислава* здѣсь разумѣть должно
 Князя *Мстислава Ростиславича*, роднаго брата вышепо-
 мянутому Князю *Роману*. Онъ равномерно явилъ опыты
 храбрости своей пропивъ Великаго Князя *Андрея Юрье-*
вича Боголюбскаго. Ибо осажденъ будучи въ *Вышеградѣ*
 многочисленнымъ войскомъ и находясь въ крайней опа-
 сности, такъ благоразумно и отважно принялъ свои мѣ-

ры, что войско непріятелей своихъ, въ копоромъ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и прогналъ.

(³⁹) Князья, опть Князя *Ольга Святославича*, поколѣніе свое ведущіе.

(⁴⁰) Попомки Великаго Князя *Мстислава Володиміровича*, *Мономахова* сына. У *Мстислава* было пять сыновей.

(⁴¹) О бѣдспвенной учаспи Князя *Изяслава* лѣтописатели Русскіе умолчали.

(⁴²) Еспльи выраженіе *жемчужная душа*, какъ нынѣ неупотребительное, хотя впрочемъ въ древнемъ слогѣ краснорѣчивое, кому не понравится, шопъ можешъ сей спихъ прочешъ такъ:

Дражайшая
Геройская душа твоя изъ храбра тѣла.

(⁴³) Много было внуковъ Всеславовыхъ: *Рогвольдъ*, сынъ Князя *Бориса Всеславича*, имѣвшій удѣлъ въ Полоцкѣ. *Володаръ* и *Ростиславъ*, сыновья *Глѣба Всеславича*: первый шакъ же удѣломъ въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. *Брячиславъ*, сынъ Князя *Мспислава Всеславича*, и *Всеславъ*, сынъ Князя *Давыда Всеславича*.

(⁴⁴) По смыслу рѣчи *стрикусъ* не иное что, какъ стѣнобитное орудіе, или родъ шарана, при осадѣ городскихъ воропъ употребляемого.

(⁴⁵) *Немига*, что нынѣ *Немень*, между *Минска* и *Полоцка*. — *Татищ.* часть II. стран. 119.

(⁴⁶) Вѣрошно, что сей припѣвъ подлинникомъ внесень сюда изъ *Бояновыхъ* пѣсней.

(⁴⁷) Супруга Князя *Игоря Святославича*, дочь Князя *Ярослава Владиміровича Галичскаго*.

(⁴⁸) подъ именемъ *смерчей* (сморчи) разумѣемъ мы нынѣ водяные насосы, бывающіе на моряхъ по жаркому поясу разливающихся, и копорые больше извѣстны намъ подъ иносѣраннымъ названіемъ, *тормбы*. Трудно себѣ представити, какимъ образомъ волнующееся море и ходящія мглами смерчи, могли показывать путь Князю Игорю; но какъ онъ долженствовало сперва переплыти чрезъ рѣку, то можетъ быть сочинитель разумѣетъ подъ симъ случившуюся тогда непогоду и мракъ ночной, или туманъ, копорые въ семъ случаѣ ему благопріятствовали. Побѣгъ Игоревъ изъ земли непріятельской опъемлетъ нѣчто опъ славы сего героя, однакожъ историческое о томъ повѣствованіе соединяетъ сіе съ обстоятельствомъ, оправдывающими оную. Произшествіе сіе описывается слѣдующимъ образомъ: Игорь содержанъ былъ въ плѣну съ уваженіемъ, приличнымъ владѣтельному Князю; но выкупъ за него положенъ былъ чрезвычайный, и при томъ сморѣли за нимъ крѣпко: прислано было къ нему пятнадцать человѣкъ и пятеро знаменитыхъ опцовъ дѣтей, копорымъ однакожъ велѣно было ему повиноваться. Нѣкто именемъ Лаверь, (въ пѣсни же сей Овлуръ), родомъ Половчанинъ, рожденный опъ матери Руской изъ области Игоревой, опкрылся бывшимъ при Игорѣ двумъ подданнымъ его, конюшему и сыну нѣкоего тысяцкаго, въ томъ, что онъ можетъ освободити Князя ихъ изъ плѣна, есѣли сей согласится уйти опъ Половцевъ. Сказано было о семъ Игорю, копорый предложеніе сіе опвергъ съ негодованіемъ, говоря: „я бы во время сраженія могъ спастись, бѣгствомъ, но не хотѣлъ чести моей поперять; теперь же и подавно безчестнымъ образомъ бѣжать не хочу.“

И хопя конюшій и сынъ тысяцкаго совѣтами своими покушались еще склонить его на то, однакожь онъ совѣтовъ ихъ не принялъ и запретилъ, чѣмъ они о семъ никогда ему не говорили. По прошествіи нѣкотораго времени сынъ тысяцкаго узналъ отъ жены Половецкаго Князя Углія, съ которою имѣлъ онъ любовь, что Половцы положили, еспли имъ въ войнѣ съ Рускими случится неудача, убить Князя Игоря. Сей молодой воинъ увѣдомилъ о томъ конюшаго, который вмѣстѣ съ нимъ пришелъ къ Игорю, говорилъ ему тако: „для чего Князь, отвергаешь „шы промыслъ Божій? Для чего не соглашаешься ввѣришь себя усердному и надежному человѣку, предлагающему тебѣ услуги свои, и желающему избавить тебя „изъ неволи и отъ смерти? Половцы при первомъ неудачномъ сраженіи съ Рускими положили тебя убить. Или „ждешь возвращенія ихъ и совершенія сего злаго надъ „шобою умысла? Тогда чѣмъ помогутъ тебѣ славолубіе „швое и гордость? Отъ упрямства твоего погибнуть и „жизнь твоя и слава.„ Сіе извѣстіе поколебало твердость Игореву: толико безчестное и злое намѣреніе, мнилось ему, освобождаетъ его отъ храненія вѣрности къ данному слову. Онъ принялъ предлагаемыя ему отъ Лавера услуги, и для удобнѣйшаго исполненія предпріятія своего сдѣлалъ пиръ, на которомъ до самой полуночи много веселясь и упоивавъ приспавниковъ своихъ, велѣлъ продолжати веселіе, а самъ пошелъ въ шатеръ свой. Между тѣмъ, какъ пирующие приспавники думали, что онъ спитъ, Игорь тайно прошедъ переправился чрезъ рѣку, гдѣ уже Лаверь или Овлуръ приготовилъ для него коней, на которыхъ немедленно съѣвъ поскакали они къ

предѣламъ Россіи. Путь ихъ былъ благополученъ, но подъѣзжая къ Новгороду-Сѣверскому, то есть, къ сполциѣ Игоревой, конь подъ нимъ сполкнулся и упалъ, опъ чего Игорь повредилъ себѣ ногу, такъ что принужденъ былъ останавишься въ селѣ Свяаго Михаила, верспахъ въ двадцапи опъ города. Креспьянинъ того села поскакалъ немедленно въ городъ и возвѣспилъ о возвращеніи Игоревомъ. Никто не хотѣлъ сему вѣришь, однакожъ Княгиня, супруга Игорева, послѣ многихъ вопросовъ, учиненныхъ сему радоспному вѣспнику, колеблющаяся между спрахомъ и надеждою, полетѣла пуда, въ сопровожденіи нѣкопрыхъ царедворцевъ своихъ. Граждане, слыша то, всѣ поѣхали за нею. У кого коней не было, шли пѣшками. Люди всѣ, съ женами и съ дѣшми, вышли на срѣшеніе ему, въ шакомъ многолюдспвѣ, что развѣ кто крайней ради немоши оспался дома. Радоспъ, не шокмо, въ Новгородъ, и въ Сѣверской обласпи, но и по всей Россіи была не описанная, поелику Князь сей ради благонравія своего и добледушія всѣми вообще былъ любимъ. (Тапищ. часть III, спран. 270.)

(⁴⁹) Въ Россійскихъ лѣтописяхъ онъ названъ *Лаверъ*, чиновникъ Половецкій. (См. предъидущее примѣчаніе подъ числомъ 48).

(⁵⁰) *Вежи* здѣсь разумѣются спаны или шапры. Пр. Г. Шишкова.

(⁵¹) Красивая ушка съ хохломъ, пипающая раковинами, за копорыми она опмѣнно предъ прочими ныраетъ.

(⁵²) *Чернядь*, родъ ушки. Опсюду явспвуетъ, что

слово сіе неправильно по простому нарѣчію пишуть: *чер-
нетъ*. (См. Академ. словарь).

(⁵³) Юный Князь *Ростиславъ*, сынъ Великаго Князя *Всеволода I* и Великія Княгини *Анны*, дочери Половецкаго Князя упонулъ на рѣкѣ *Стугнѣ* 1093-года, когда тамъ разбины были Россійскія войска опъ Половцевъ.

(⁵⁴) Сіи слова Половецкихъ Князей касались до *Игорева* сына Князя *Владиміра*, которой оспавался еще у нихъ въ полону. Онъ влюбился тамъ въ дочь Князя *Кричака*, и когда Половцы освободили его, то онъ привезши ее въ Россію, крестилъ и съ дщяшею и назвавъ *Свободою*, обвѣнчался съ нею. *Татищ.* книга III стран. 283.

(⁵⁵) Урочище, въ самомъ городѣ *Кіевѣ* находящееся, по свидѣтельству *Нестора*, было оное на горѣ къ Подолу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоить церковь *Андрея Первозваннаго*, или близъ оной. Тутъ *Владиміромъ* поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сіе мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кіевомъ помѣщало множество народа для торжественныхъ жертвоприношеній спекавшася. На сей площади былъ перемный дворецъ Велико-Княжескій. Подъ самою горою *Днѣпръ* прежде имѣлъ свое печеніе; но по времени сполько занесло оной пескомъ, что построено тутъ цѣлое предмѣстіе, *Подоломъ* нынѣ называемое. — См. *Татищ.* кн. II. стран. 36.

(⁵⁶) Образъ *Владимірской Богородицы*, который нынѣ въ *Успенскомъ Соборѣ* въ *Москвѣ*, возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кіотѣ. Его въ древности *Богородицею Пирогощею* называли потому, что изъ *Царя-града*

привезенъ былъ въ *Кіевѣ* госпемъ, прозывавшимся *Пирогощею*. Великій Князь *Андрей Юрьевичъ* Боголюбскій въ 1160 году взялъ сію Свящую икону опъ опца своего Великаго Князя *Юрья Владиміровича* и перенесъ оную въ новопоспроенный тогда на *Клязмѣ* городъ *Владиміръ*: въ *Москву* же оная принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется *Владимірскою* — *Татищ.* помъ III. спран. 97 и 127 и въ примѣчаніяхъ спран. 487.

